

© 2017 г.

М.В. КОВАЛЕВ

**А.В. ФЛОРОВСКИЙ (1884–1968):
ПРАЖСКАЯ ЖИЗНЬ ОДЕССКОГО ПРОФЕССОРА**

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (Саратов, Россия).

Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ (проект 17-01-00236а) и гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-4739.2016.6).

Антоний Васильевич Флоровский появился на свет 1(14) декабря 1884 г. в Елизаветграде. Его отец, Василий Антонович (1852–1928), происходивший из низшего духовенства Новгородской губернии, после обучения в Новгородской семинарии и Московской духовной академии в ноябре 1877 г. был определен на службу в Одессу. Там он познакомился со своей будущей женой Клавдией Георгиевной Попруженко (1863–1933), дочерью священника Сретенской церкви. В Одессе родился их первый ребенок – Василий (1881–1924), который впоследствии станет известным врачом и теоретиком народного здравоохранения. К слову сказать, все дети Флоровских проявят себя на интеллектуальном поприще. Клавдия (1882–1963) будет первой женщиной приват-доцентом Новороссийского университета, Антоний сделает карьеру историка, а Георгий (1893–1979) – философа и богослова.

Очевидно, этому способствовал особый климат, царивший в семье. Много лет спустя в автобиографических заметках, до сих пор не опубликованных, А.В. Флоровский вспомнит о культурных интересах родителей, о книгах русских классиков на полках и занятиях музыкой: «Наша семья относилась с большим уважением и признанием к научному знанию вообще, к высшей школе, к гуманитарным наукам и едва ли не больше всего к наукам историко-филологическим». Обратим внимание на один примечательный факт. В жандармских бумагах сохранились указания на политическую неблагонадежность В.А. Флоровского. Его уличили в общении с членами народнического кружка Н.В. Ковалевского, а главное в том, что в июне 1879 г. в ограде Петропавловской церкви он собирал сходки рабочих и учащихся духовного училища, которым читал «книги социально-революционного содержания» и распространял между ними «революционные идеи»¹. В.А. Флоровский был арестован, но вскоре освобожден и оставлен на службе. Вне всякого сомнения, высокая социальная активность и ответственность, соединенные с критическим восприятием окружающей действительности, передалась и его детям.

В 1894 г. Антония отдали учиться в Четвертую одесскую мужскую гимназию. Здесь у него сложился стойкий интерес к истории, причем большую роль в этом сыграл его учитель А.Ф. Музыченко. В 5–6-м классах Антоний завел записную книжку, в которую заносил сведения по археологии России, с упоением читал изданные И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым «Русские древности в памятниках искусства», а во время поездки с родителями в Новгород получил от родственников в подарок рукопись акта XVII в. и не расставался с ней на протяжении всей жизни.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 109, оп. 230, д. 8950, л. 1.

В 1903 г. он поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса). Занимался в семинарах у Э. фон Штерна, В.М. Истрина и Е.Н. Шепкина, но особое влияние на формирование его как историка оказал Иван Андреевич Линниченко (1857—1926), крупный ученый и неутомимый борец с украинским национализмом. Профессор обратил внимание на усердного студента и попытался привлечь его к научной работе. Именно в семинаре Линниченко начали складываться научные пристрастия Флоровского, именно отсюда он вынес интерес к социальной истории. Среди одноклассников Антоний выделялся упорным стремлением к научной карьере. Советский литературовед Л.Р. Коган, в начале XX в. — студент Новороссийского университета, так описывал его в своих воспоминаниях: «Он бросался в глаза маленьким ростом и совершенно девичьим лицом без малейшего следа растительности. Он казался мальчиком лет четырнадцати — пятнадцати, случайно надевшим студенческую куртку и забравшимся в университетскую аудиторию. Его поддразнивали, но он относился к товарищеским шуточкам добродушно и умел остроумно их отпарировать. Он с первых дней занятий начал работать систематично и серьезно, особенно по русской истории. Ни в каких политических и общественных делах он участия не принимал. Он знал одной лишь думы власть: добиться профессуры... В памяти у меня он остался как добродушный паренек и ходячий энциклопедический словарь по части русской истории. Он любил копаться в разных справочниках, а со второго курса — и в архивных материалах и подчас выискивал любопытные факты»².

В 1905 г. факультет объявил конкурс на соискание золотой медали за лучшее научное сочинение на предложенные темы. Одна из них была сформулирована Линниченко и касалась Екатерининской Законодательной комиссии 1767—1774 гг. Он порекомендовал Флоровскому заняться именно ей. Кропотливая работа начинающего историка принесла успех: в 1907 г. его исследование было удостоено золотой медали и рекомендовано к печати³. Но главное — оно обозначило направление его исследований на ближайшие годы.

В январе 1909 г. Флоровский был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Пройдя сложную и долгую процедуру экзаменов, он с 31 октября 1911 г. был причислен к приват-доцентам и принялся энергично собирать материал для будущей диссертации, для чего совершал регулярные поездки в архивы Москвы и Санкт-Петербурга. Его увлекла организационная сторона работы Екатерининской комиссии, механизмы ее деятельности, участие в ней представителей различных социальных групп.

Флоровский активно участвовал в работе различных добровольных объединений. 11 октября 1908 г. он стал членом-сотрудником педагогического отдела Историко-филологического общества при Новороссийском университете, в апреле 1911 г. был избран членом-сотрудником Одесского общества истории и древностей, а с 25 февраля 1914 г. — его действительным членом. Кроме того, он сотрудничал с Одесским библиографическим обществом при Новороссийском университете. К работе в нем он привлек сестру Клавдию и братьев Василия и Георгия⁴. Это общество было своего рода лабораторией, в которой ученики профессора Линниченко отработывали навыки рецензирования и научной критики исследований⁵. Для Флоровского это была хорошая школа, и в годы эмиграции его талант историографа даст о себе знать в полной мере⁶.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 1035, оп. 1, д. 38, л. 127об. — 128.

³ *Флоровский А.В.* Из истории Екатерининской Законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910.

⁴ *Галас В.* Русский историк-славист А.В. Флоровский. — Дерибасовская — Ришельевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах, кн. 15. Одесса, 2003, с. 13.

⁵ *Музичко О.* Маловідомий українознавчий рукопис А.В. Флоровського: уведення до історіографічного контексту. — Чорноморська минувшина: Збірник наукових праць, вип. 5. Одеса, 2010, с. 79.

⁶ См., например: *Аксенова Е.П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского. — Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940, т. 1. М., 1994, с. 95—100.

В изданиях этих объединений он публиковал свои исследования по истории Новороссийского края, интерес к которой был свойствен интеллектуальному окружению Флоровского⁷. Но главное внимание уделялось все же изучению екатерининской эпохи в связи с подготовкой магистерской диссертации, завершенной в основном уже к зиме 1914/1915 гг. В это же время произошли большие перемены в личной жизни историка: 12 декабря 1914 г. он женился на Валентине Афанасьевне Белоусовой, дочери крупного одесского адвоката. Она будет его верным спутником на протяжении всей жизни, опорой во всех его творческих начинаниях, однако их брак окажется бездетным.

Линниченко хотел, чтобы Флоровский непременно защищал диссертацию в Москве. Он списался с М.К. Любавским и отрекомендовал ему своего ученика. Молодому историку предстояло выступать перед мэтрами отечественной науки, с которыми он лично прежде не был знаком. Однако в Москве молодого историка приняли радушно, и 14 февраля 1916 г. он защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.»⁸ Его оппонентами были М.М. Богословский и Ю.В. Готье. Научное сообщество высоко оценило работу, и вскоре она была удостоена Уваровской премии Российской академии наук. Ее заметили и за рубежом. Немецкий славист К. Штеллин разбирал ее со студентами своего семинара в Берлинском университете, и именно из участников этого семинара выйдет Г. Закке — автор первых зарубежных исследований о Екатерининской комиссии⁹.

Московские коллеги советовали Флоровскому и докторскую диссертацию защищать у них. Заранее обдумывая ее возможную тему, он колебался, выбирая между анализом материалов Третьей ревизии 1763 г., которые послужили основой для преобразовательных планов Екатерины II в сфере социальных отношений, и историей русской колонизации Новороссийского края. Сам он отдавал предпочтение второй теме, несмотря на скептицизм коллег. Тот же Богословский говорил ему, что «нужно брать тему общего и широкого, общерусского значения, для провинциальных тем не стоит отдавать основное свое усилие».

Защита диссертации открыла новые карьерные возможности. 27 октября 1916 г. Совет Новороссийского университета избрал Флоровского исполняющим обязанности экстраординарного профессора по кафедре русской истории, и 17 января 1917 г. Министерство народного просвещения утвердило это назначение. Февральская революция втянула ученого в водоворот общественной жизни. 10 августа 1917 г. заседание профессоров и младших преподавателей университета избрало А.В. Флоровского и ректора А.П. Доброклонского делегатами на Поместный Собор Православной Всероссийской Церкви, который должен был состояться осенью в Москве, чтобы обсудить вопрос о возрождении патриаршества¹⁰. Это едва ли не единственный известный пример участия историка в церковной жизни. Хотя он и происходил из семьи священника, о его религиозности на основе сохранившихся источников судить трудно. Пребывание в Москве он использовал и в научных целях — просматривал бумаги Екатерины II в Архиве Министерства юстиции¹¹.

⁷ *Першина З.В.* Історія України в працях одеських дослідників. — Український історичний журнал, 1994, № 6, с. 57; *Калінку В.В.* Первинний погляд на бібліографію творів Антонія Флоровського: «Одеський» період. — Вісник Одеського Національного Університету, 2009, т. 14, вип. 19, сер. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство, с. 156.

⁸ *Флоровский А.В.* Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915.

⁹ Биография А.В. Флоровского (1960). — *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992, с. 237–238.

¹⁰ *Галяс В.* Указ. соч., с. 14.

¹¹ Информация почерпнута из мемуарного очерка «Автобиографии А.В. Флоровского», машинопись которого хранится в личном фонде историка в рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге (Slovanská knihovna v Praze, Trezor, A.V. Florovskij, T-FLOR (далее — SK, T-FLOR)). Документ находится в неопищенной части фонда и потому не имеет необходимых архивных шифров. Далее — Автобиографии А.В. Флоровского.

Когда историк вернулся в Одессу, власть там уже находилась в руках большевиков, а Россия стремительно сползала в пропасть гражданской войны. Складывается впечатление, что в эту суровую пору Флоровский вел себя аполитично, не примыкая ни к одной из противоборствующих сторон, и отдавал все силы науке и преподаванию. В сентябре 1918 г. он приступил к работе на экономическом факультете Одесского политехнического института, только что созданного усилиями инженера М.В. Брайкевича.

В 1920 г. Новороссийский университет был реорганизован. На его основе были созданы специализированные высшие учебные заведения, в том числе Археологический институт, где Флоровский начал заведовать кафедрой исторической географии. Его начальником стал присланный из Петрограда молодой ученый Ю.Г. Оксман, впоследствии выдающийся историк и литературовед. Между ними сложились добрые коллегиальные отношения, подкрепленные совместной работой в Одесском губернском архивном управлении. С марта по декабрь 1921 г. Антоний Васильевич занимал пост директора Одесской городской библиотеки, а 10 февраля 1922 г. на объединенном заседании Губернского управления профессионального образования (Губпрофобра) и пленума научного бюро Высшей школы был избран директором главной библиотеки Высшей школы (бывшей библиотеки Новороссийского университета)¹².

Оказавшись оторванным от центральных архивов в Москве и Петрограде, Флоровский все большее внимание уделял региональной истории. Он вел энергичную работу в местных архивах, в частности, с бумагами новороссийского генерал-губернатора, материалами Херсонской духовной консистории, продолжая тем самым начатые ранее исследования¹³. Его особенно увлекала история колонизации Новороссийского края и специфика его социально-экономического развития в пореформенный период¹⁴. К маю 1921 г. ученый подготовил книгу о крестьянских волнениях 1861–1863 гг. в Северном Причерноморье. Она пришлась по душе Комиссии по концентрации и разработке историко-революционных материалов и под ее грифом была немедленно напечатана¹⁵. Данная работа ни в коей мере не являлась политической агиткой в духе времени. Напротив, это было глубокое историко-архивное исследование, вскрывавшее историю социальных проблем региона.

Все творческие планы профессора враз перечеркнул его арест 19 августа 1922 г. Согласно приказу № 74 Одесского Губпрофобра от 1 сентября 1922 г. Флоровский вместе с десятью другими преподавателями Высшей школы подлежал увольнению и высылке за границу¹⁶.

Надо сказать, что родители историка, его брат Георгий и сестра Клавдия, а также их дядя М.Г. Попруженко покинули Советскую Россию еще в январе 1920 г. Причем ехали они, что называется, в никуда. Для Клавдии, например, эмиграция обернулась прекращением ученой карьеры¹⁷. Другой брат Флоровского, Василий, и он сам об эмиграции поначалу не помышляли. Более того, историк никогда открыто не выражал недовольства большевистской властью и активно работал в новых научных

¹² *Галая В.* Указ. соч., с. 17.

¹³ *Флоровский А.В.* Собрание высочайших грамот и указов в архиве упраздненного Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторского управления. Одесса, 1912; *его же.* Из бумаг М.М. Кириакова. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. 32. Одесса, 1915, с. 26–41.

¹⁴ *Флоровский А.В.* Несколько слов из истории русской колонизации Новороссии в начале XIX в. — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1919, с. 25–40.

¹⁵ *Флоровский А.В.* «Воля панская» и «воля мужицкая»: Страница из истории аграрных волнений в Новороссии 1861–1863 гг., т. XXXIII. Одесса, 1921.

¹⁶ *Галая В.* Указ. соч., с. 18.

¹⁷ *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосабливаюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015, с. 35–38.

организациях, созданных по ее воле. Поэтому принудительная высылка стала для него полной неожиданностью.

Тем не менее Флоровского и его супругу, взявших с собой только самые необходимые вещи, в том числе некоторые рукописи, посадили на пароход и отправили в Турцию. Так историк оказался в Константинополе, полном русских беженцев еще со времен осенней крымской эвакуации 1920 г. Годы спустя Флоровский вспоминал, что «под впечатлением переживаний последних дней в России не смог систематически изучить» этот город и направил все силы, чтобы выбраться из него¹⁸. Антоний Васильевич осведомлялся о возможности переезда в Германию у своих немецких коллег: археолога Э. фон Штерна, некогда работавшего в Одессе, и боннского профессора Л.К. Гётца, чью работу о «Русской Правде» некогда высоко оценил¹⁹. Обращался он и к осевшим в Великобритании одесским знакомым, а также в Прагу — к брату Георгию и академику Н.П. Кондакову. Но помочь ему с работой никто не смог.

В конце сентября 1922 г. Флоровский отправился в Софию, где поселились его родители и сестра. В болгарской столице он перебивался случайными заработками. Обращение в Министерство народного просвещения Болгарии с выражением готовности работать в учебно-научной или архивно-библиотечной сфере было отвергнуто, несмотря на покровительство крупных болгарских историков В.Н. Златарского и С.С. Бобчева.

Проблеск надежды появился в конце 1922 г., когда Флоровский наконец получил приглашение из Праги. Правительство Чехословакии в это время развернуло так называемую «Русскую акцию» («Ruská pomocná akce») — программу помощи эмигрантам из России. Основная поддержка оказывалась студентам и ученым — они получали стипендии для продолжения обучения или работы. Флоровский был приглашен Советом русских профессоров и в начале 1923 г. прибыл в Прагу.

В Праге в декабре 1921 г. была создана Русская учебная коллегия, помогавшая эмигрантскому студенчеству. При ней возникли Высшие русские дополнительные курсы, где для молодых эмигрантов, учившихся в чехословацких высших школах, читались специальные лекции. Их историко-филологическое отделение и возглавил Флоровский, который стал вести курс русской истории. Преподавательская деятельность ученого в годы эмиграции будет неизменно активной. В августе 1923 г. в Праге открылся Русский педагогический институт имени Я.А. Коменского, и в октябре 1924 г. Флоровского пригласили туда для чтения курса по истории русской педагогики²⁰. Профессор был, как бы мы сказали сегодня, «почасовиком», получая по 40 крон за лекцию²¹. Но свой курс он прочел лишь один раз: в 1926 г. институт закрылся²².

Более длительным и плодотворным оказалось сотрудничество с Русским юридическим факультетом, открытым в мае 1922 г.²³ В 1924/1925 учебном году совместно с М.В. Шахматовым и Б.А. Евреиновым он вел практические занятия для студентов по истории русского права древнейшего периода. Флоровский также принимал участие в работе семинара по истории русского права, руководимого Г.В. Вернадским, и сделал там доклад «О крестьянской реформе в Новороссийском крае по архивным

¹⁸ Автобиографии А.В. Флоровского.

¹⁹ *Флоровский А.В.* Новый взгляд на происхождение «Русской Правды». — Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете, 1912, т. I, вып. 4, с. 97–122.

²⁰ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 228, л. 1–2; *Флоровский А.В.* История русской педагогики в связи с историей народного образования: конспект лекций, читанных в Русском педагогическом институте имени Я.А. Коменского в 1924/1925 учебном году. Прага, 1925.

²¹ Národní archiv ČR. F. Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce, kart. 112, inv. č. 84; ГАРФ, ф. 5773, оп. 2, д. 147, л. 1–12.

²² В Русском педагогическом институте. — Рувль, Берлин, 1924, № 1187; Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928, с. 90; *Andreyev C., Savický I.* Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven – London, 2004, p. 100.

²³ ГАРФ, ф. 5765, оп. 2, д. 978, л. 1–2.

данным». Осенью 1927 г. вместе с Шахматовым он образовал Кружок любителей истории русского права, на одном из заседаний которого выступил с докладом «Обряд Управления Комиссией 1767 г.»²⁴. Увы, Русский юридический факультет постигла печальная участь других эмигрантских высших школ. Выпуск 1929 г. стал последним, а потом постепенно была свернута и научная работа.

Наряду с другими русскими учеными Флоровский активно поддерживал идею популяризации научных знаний как в эмигрантской, так и в чехословацкой среде. Речь шла об участии в публичных лекциях, диспутах, выставках. Мероприятия, ориентированные на широкий круг участников, ставили задачу показать, что русская научная мысль не заглохла и на чужбине, а кроме того, способствовали русско-чехословацкому интеллектуальному сближению. Так, в 1923–1924 гг. Флоровский прочел в гуманитарном отделе Русского института несколько лекций по русской истории²⁵, а впоследствии опубликовал статью в его издании²⁶.

Свой след он оставил и в работе Русского народного университета, открывшегося 16 октября 1923 г. и выполнявшего роль публичного лектория. Антоний Васильевич читал следующие курсы: «Народ и власть в истории России», «Русский юг и запад в первые годы до вступления в состав России», «Из истории русско-чешских отношений», «Спорные вопросы древнерусской истории», «Русско-чешские отношения в новое время»²⁷. Он выступал не только в Праге, но и в провинции. Деятельное участие принимал и в создании Комитета русской книги, выполнявшего роль всеэмигрантской книжной палаты. Как его сопредседатель, он оказался в числе организаторов выставки изданий русской эмиграции, состоявшейся в Праге в 1924 г.

С большим рвением Флоровский включился в работу эмигрантских научных институций. Он стал членом Русской академической группы в Чехословакии, созданной осенью 1921 г. для поддержки покинувших Родину ученых, в том числе для подготовки новых исследовательских кадров. В июне 1923 г. на ее заседании брат ученого Г.В. Флоровский защитил диссертацию «Историческая философия А.И. Герцена» и получил степень магистра философии. В качестве делегата этого объединения сам Антоний Васильевич участвовал в съездах Русских академических организаций за границей: в Праге (1924 г.), Белграде (1928 г.) и Софии (1930 г.)²⁸.

В Праге оказались востребованы навыки Флоровского как опытного историка-архивиста. С 1925 г. он начал сотрудничать с Русским заграничным историческим архивом, вошел в состав его Совета и Ученой комиссии. Ему нередко доверяли проведение оценки заметных документальных собраний, предлагаемых для приобретения архивом, как было, например, с бумагами видного социалиста Г.А. Алексинского.

---

²⁴ Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1924–1925 учебный год. Прага, 1926, с. 22; Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1927–1928 учебный год. Прага, 1927, с. 20.

²⁵ *Ковалев М.В.* Русский институт в Праге (1922–1938 годы). – Вестник Новосибирского государственного университета, сер. История, филология, 2017, т. 16, № 1, с. 121–134.

²⁶ *Флоровский А.В.* К характеристике императрицы Екатерины II – законодательницы. – Сборник Русского института в Праге, т. 1. Прага, 1929, с. 261–278.

²⁷ ГАРФ, ф. 5899, оп. 1, д. 110, л. 5–6, 12, 22, 28, 30; Русский народный университет в Праге: Отчет о деятельности за 1923–1924 учебный год. Прага, [б.г.], с. 20–21; Русский народный университет в Праге: Отчет о деятельности за 1924–1925 учебный год. Прага, [б.г.], с. 13; Русский народный университет в Праге: Отчет о деятельности за 1925–1926 учебный год. Прага, [б.г.], с. 23; Русский народный университет в Праге: Отчет о деятельности за 1926–1927 учебный год. Прага, [б.г.], с. 24; Русский народный университет в Праге: Отчет о деятельности за 1927–1928 учебный год. Прага, [б.г.], с. 26–27.

²⁸ *Ковалев М.В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930). – Россия XXI, 2013, № 5, с. 94, 99, 104–105.

Флоровского также командировали в Париж для изучения и оценки коллекции документов Н.В. Чайковского и переговоров с С.П. Мельгуновым об их передаче в Прагу²⁹.

Наряду с В.А. Францевым, П.Б. Струве, Н.П. Кондаковым, Н.Л. Окуновым он был среди тех ученых, кто в мае—июне 1923 г. собирались на заседания, посвященные историческим вопросам, и сам однажды сделал доклад «О новых исторических журналах, выходящих в России в 1922—1923 гг.»³⁰ Эти встречи послужили основой для создания Русского исторического общества в Праге. Флоровский присутствовал на его первом заседании 7 апреля 1925 г. в помещении Минералогического института, и его подпись стоит под Уставом этого общества³¹. Он будет активно участвовать в его работе, сделает немало сообщений, а в 1937 г. даже станет его председателем и приложит все усилия для создания русского исторического журнала. Но суровая действительность конца 1930-х годов не позволит его планам воплотиться в жизнь³². В марте 1940 г. в результате интриг и сугубо бытовых склок Флоровский будет смещен со своего поста³³.

С конца 1920-х годов ученый постепенно втягивается в чехословацкую научную среду: он сотрудничает со Славянским институтом, привлекавшим русских историков к научным проектам, как приглашенный лектор в ноябре—декабре 1929 г. читает в Карловом университете курс «Из истории славянства», состоявший из трех лекций, посвященных восприятию Святого Вацлава и Яна Гуса в России, а также взглядам Ф.М. Достоевского на славянский вопрос³⁴. Благодаря материальной поддержке Славянского института историк получит возможность совершить научные командировки в Варшаву и Краков в 1930 г., Львов в 1931 г., Рим в 1936 г. и провести там архивные исследования³⁵.

Министерство образования и народного просвещения Чехословакии 5 апреля 1932 г. согласилось присвоить Флоровскому степень доктора философии Карлова университета при условии, что он представит свою прежнюю магистерскую работу либо другие исследования в доказательство профессиональной квалификации и выдержит экзамен по философии. Флоровский предложил напечатанную еще в Одессе книгу «Состав Законодательной комиссии 1767—1774 гг.»³⁶

Официальное признание его ученой квалификации открыло новые возможности. После смерти А.А. Кизеветтера в марте 1933 г. Флоровский получил приглашение читать вместо него курс лекций по русской истории в Карловом университете³⁷. Однако работа эта была весьма нестабильной в материальном отношении, на что сам

---

²⁹ SK, T-FLOR, krab. XLIII. Korespondence přijatá od jednotlivých osob: Melgunov, Sergej Petrovič, Paříž, № 1—3; British Library of Political and Economic Science, Archives Division, Melgunov Collection, Correspondence, A.V. Florovsky to S.P. Melgunov.

³⁰ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 257, л. 1об.; Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге со времени его возникновения до 7 апреля 1927 года. — Записки Русского исторического общества в Праге, кн. 1, 1927, с. 6.

³¹ ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 254, л. 1; Паушто В.Т. Указ. соч., с. 54.

³² Ковалев М.В. «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России ... является ... необходимым». Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937—начало 1940-х гг.). — Отечественные архивы, 2014, № 5, с. 89—91.

³³ Подробнее см. Ковалев М.В. Русское историческое общество в Праге (1925—1945). — Российская история, 2011, № 5, с. 152—153.

³⁴ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 228, л. 4; Ročenka Slovanského ústavu. Sv. II za rok 1929. Praha, 1930, s. 92; Běloševská L. Slovanský ústav a ruská emigrace. — Slavia, 1999, t. 68, № 3—4, s. 468.

³⁵ Zpráva prof. A. Florovského o cestě do Polska. — Ročenka Slovanského ústavu. Sv. III za rok 1930. Praha, 1931, s. 110; Флоровский А.В. Отчет о поездке во Львов для участия в собраниях Комитета по изданию «Słowníka Słowiańskich Starożytności». — Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV za rok 1931. Praha, 1932, s. 104—106.

³⁶ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 228, л. 5, 7.

³⁷ Там же, л. 12.

историк жаловался 20 апреля 1937 г. в письме к академику В.А. Францеву, сетуя, что Министерство образования и народного просвещения не видит возможности назначить его ординарным профессором, но предлагает вместо этого должность ординарного лектора. В таком случае его заработная плата выростала бы на 100–150 чехословацких крон, по сравнению с прежними 400 кронами, но учебная нагрузка увеличивалась бы вдвое! Между тем историк получал пособие от Красного Креста в размере 850 крон, т.е. почти в два раза больше, чем жалование в университете. С горечью он писал своему коллеге: «Лучше быть пенсионером у Красного Креста и получать на бедность, чем унижать свое достоинство и терять независимость»³⁸.

Обратился он также к влиятельному чехословацкому историку Ярославу Бидло: «Я не берусь быть собственным судьей, но все же по моей академической квалификации, по профессорскому стажу и по научной работе и трудоспособности я имею основание претендовать на большее, нежели лектор, и рассчитывать на приближение меня хотя бы к проф[ессору] Н.Л. Окуневу, который не имеет ни русской, ни чешской ученой степени и в России мог быть и был только доцентом». Но ни Францев, ни Бидло помочь коллеге не могли³⁹. Этот пример демонстрирует зыбкость положения ученого-эмигранта в чужой стране, но справедливости ради заметим, что получение профессуры в Карловом университете традиционно было (и остается) сложной задачей даже для самих чехов. Не помогло Флоровскому даже получение докторской степени по русской истории, которую он защитил еще 3 января 1936 г. на публичном заседании Русской академической группы. Диссертация называлась «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)»⁴⁰.

Тем не менее научный авторитет Флоровского в чехословацких научных кругах был высоким. Показательно, что он являлся единственным русским историком, приглашенным профессором Йозефом Шустой для участия в написании многотомной «Истории человечества от древности до наших дней» вместе с видными чехословацкими учеными Б. Грозным, Я. Бидло, О. Одложилком, Б. Мендлом⁴¹. Для ее VI тома (1939 г.) Флоровский подготовил обширные главы по истории России в эпоху Петра Великого и его преемников, а также об участии России в решении польского и восточного вопросов во второй половине XVIII в.⁴²

К сожалению, в Праге начала 1920-х годов не существовало возможностей для занятий русской историей XVIII в. В первые годы эмиграции Флоровский по инерции, опираясь на старые черновики и выписки, продолжал работу над статьями по екатерининской эпохе. Значение этих работ нельзя недооценивать, ибо в них поднимались чрезвычайно важные вопросы, малоизученные в историографии, как, например, в статье о шведском переводе «Наказа»⁴³. В своих неопубликованных мемуарных заметках он признавался: «Все начатое в России было оборвано, взятое мной с собой было достаточно для статей, [но] не для сосредоточенной разработки». Поэтому для него было чрезвычайно важно найти такую научную тему, которая была бы связана и с прежними увлечениями российской историей, и с зарубежным славянским миром,

³⁸ *Досталь М.Ю.* Из переписки В.А. Францева (письмо В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву). — *Славяноведение*, 1994, № 4, с. 106.

³⁹ Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (далее — MÚA). F. Jaroslav Bidlo, sign. Пб, kart. 3, inv. č. 162.

⁴⁰ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 165, л. 1–2; MÚA. F. Jaroslav Bidlo, sign. Пб, kart. 3, inv. č. 162.

⁴¹ Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 495, л. 1–3; *Blüml J.* Šustovy dějiny lidstva. — *Věda v Českých zemích za druhé světové války*. Praha, 1998, s. 271–278.

⁴² *Florovskij A.V.* Rusko Petra Velikého a jeho nejbližších nástupců. — *Dějiny lidstva od pravěku k dnešku*, t. VI. Praha, 1939, s. 207–246; *idem.* Rusko, Polsko a východní otázka v 2. polovině 18. věku. — *Ibid.*, s. 419–464.

⁴³ *Флоровский А.В.* Шведский перевод «Наказа» Императрицы Екатерины II. — *Записки Русского исторического общества в Праге*, кн. 1. Прага, 1927, 149–159.

где он теперь жил и работал. Именно в эмиграции расцвел талант Флоровского как ученого-слависта.

Еще в Софии он заинтересовался темой русско-болгарских отношений. По совету директора Этнографического музея С.Д. Чилингинова историк обратил внимание на хранившийся в Национальной библиотеке и еще не описанный фонд Временного русского управления в Болгарии, существовавшего с апреля 1877 по май 1879 г. Флоровский был первым ученым, кто обратился к этим документам и, главное, сделал их предварительный научный обзор. Результаты его работ, отраженные в небольшой статье⁴⁴, получили высокую оценку болгарских коллег, в частности именитого историка С.С. Бобчева. В дальнейшем интерес Флоровского к теме русско-болгарских связей генерировался 50-летним юбилеем войны за освобождение балканских славян 1877–1878 гг., а свое концентрированное выражение нашел в докладе на V съезде Русских академических организаций за границей в сентябре 1930 г.⁴⁵

Однако главной темой ученого явилось изучение русско-чешских отношений с древнейших времен до начала XX в. Впоследствии он стал крупнейшим специалистом в этой области, посвятив, по подсчетам Л.П. Лаптевой, этой теме около 50 различных работ⁴⁶. По словам самого Флоровского, впервые он задумался над возможностью изучения русско-чешских связей по совету жены в начале 1923 г. Между тем в то время он собирался обратиться к изучению международной реакции на Польское восстание 1830–1831 гг., однако осуществление этого плана было связано с работой в иностранных архивах, затруднительной из-за отсутствия финансовых возможностей. Летом 1924 г. Флоровский вернулся к размышлениям над русско-чешской тематикой и на заседании эмигрантского клуба в пражском пригороде Збрашаве сделал доклад о двусторонних связях на ранних этапах истории. Доклад имел большой успех. Осенью того же года историк продолжил эту линию в тематическом докладе на III съезде Русских академических организаций за границей.

В первую очередь Флоровский обращался к раннему этапу русско-чешских отношений, что отвечало его давнему, пусть и эпизодическому, увлечению древнерусской историей. Попутно заметим, что в это же время он заинтересовался разбором «Книги опыта народов» арабского путешественника Ибн Мискавейха и содержащихся в ней сведений о Древней Руси⁴⁷. В 1928 г. Флоровский выступил на конференции историков Восточной Европы в Варшаве с докладом об особенностях русско-чешских отношений. Теперь он почти ежегодно публиковал свои исследования по этой теме. Вершиной творчества ученого стала монография «Чехи и восточные славяне», первый том которой увидел свет в 1935 г. в Праге. Выход второй книги задержала мировая война, и работа была опубликована лишь в 1947 г.⁴⁸

Данное исследование Флоровского до сих пор остается непревзойденным и по широте охвата темы, и по количеству привлеченных источников — как опубликованных, так и извлеченных из архивов Чехословакии. Оно представляет собой многоцветную

---

⁴⁴ Флоровский А.В. Архив на руското гражданско управление в България през 1877–1879 гг. — Юридически преглед, 1925, кн. 2, с. 57–61.

⁴⁵ Florovskij A.V. Ruské veřejné mínění v předvečer a za osvobozené války 1877–1878. — Rusko v boji za osvobození balkanských slovianů 1877–1878. Praha, 1927, s. 42–85; Флоровский А.В. Россия и южные славяне в царствование императора Александра I. — Прослава на освободителната война 1877–1878 гг. Руско-български сборник. София, 1929, с. 54–65; Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...», с. 105; *его же*. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции. — Славянский альманах, 2016, № 1–2, с. 115–117.

⁴⁶ Лаптева Л.П. Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей. — Вестник МГУ, сер. 8. История, 1994, № 1, с. 58.

⁴⁷ Флоровский А.В. Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейхи X–XI вв. и его продолжателя. — Seminarium Kondakovianum, t. I. Praha, 1927, s. 175–186.

⁴⁸ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.), т. I – II. Прага, 1935, 1947.

картину культурных, религиозных, политических, экономических отношений между русскими и чехами на протяжении веков. Выбирая отдельные сюжеты, Флоровский изучал их всесторонне (торговые связи Чехии и Моравии с Восточной Европой в X–XII вв., чешские «струи» в истории восточнославянского литературного развития XV–XVII вв., отголоски гуситского движения в восточнославянской среде и т.д.), поэтому каждая глава книги является законченным исследованием.

В своей концепции Флоровский исходил из различия исторических путей, пройденных чешским и русским народами: «Первый — с самого начала своего исторического бытия — поставлен был в сферу влияния западного мира, мира римской церкви и немецкой политики, второй — в область воздействия Востока и Византии»⁴⁹. При этом историк приводил многочисленные примеры культурного и политического взаимодействия двух народов. Первые контакты он относил к раннему Средневековью, когда оформились дружественные и родственные связи между княжескими домами Руси и Чехии, развивалась взаимная торговля. Уже в конце X в. на Руси появились образцы славянских книг чешско-моравского перевода, в XI в. распространился культ чешских святых Людмилы и Вацлава, в Чехии же признавалось почитание святых Бориса и Глеба⁵⁰.

Одним из первых Флоровский поднял вопрос о степени влияния гуситства на восточнославянскую среду, изучив поездку в русские земли Иеронима Пражского, посещение России в конце XV в. членом общины «чешских братьев» рыцарем Марешем Каковешем, диспут о вере между Яном Рокитой и Иваном Грозным в 1570 г. и т.д. Ученый проанализировал эволюцию взглядов русской общественно-исторической мысли на деятельность Яна Гуса и его последователей⁵¹. Он отмечал, что если в XVI–XVII вв. отношение к чешскому просветителю формировалось в основном под влиянием православной церкви, видевшей в нем еретика, то в XIX в. славянофилы выдвинули концепцию о Яне Гусе как о православном мученике и даже предлагали причислить его вместе с Иеронимом Пражским к лику святых. Флоровский не разделял этих романтических мифов, но при этом видел в учении Гуса «ноты славянской идеи», призванной противопоставить чешскую самобытность католическому универсализму и предвосхитившей национальное возрождение в конце XVIII в. Перелом во взаимоотношениях наступил в начале XVIII в. Важной вехой стало пребывание в Чехии Петра Великого в 1698 г., 1711 г. и 1712 г. Флоровский подготовил объемное исследование пражских легенд о русском царе, увы, оставшееся неопубликованным⁵² (как и немало других его произведений).

Верхней границей своих исследований историк поставил конец XVIII — начало XIX в. Лишь однажды, полемизируя с братиславским профессором Й. Ирасеком, принижавшим значение и масштабы взаимоотношений между русскими и чехами, Флоровский опубликовал обзорную статью о двусторонних связях в XIX в. Он призывал обратить внимание на русских путешественников, пребывавших в Карлсбаде (Карловых Варах) и Мариенбаде (Марианских Лазнях), где, несмотря на официальное господство немецкого языка, они могли непосредственно соприкоснуться с чешской

⁴⁹ Флоровский А. В. Очерк русско-чешских отношений. — Славянски глас, кн. 1–3. София, 1930, с. 1–2.

⁵⁰ См.: Флоровский А. В. Почитание Святого Вячеслава, князя чешского на Руси. — Научные труды Русского народного университета, т. II. Прага, 1929; *его же*. Карпаторусский список проложного жития Св. Вячеслава, князя Чешского. — Карпаторусский сборник. Ужгород, 1930, с. 88–90; *его же*. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений, т. I.

⁵¹ Флоровский А. В. Ян Гус в русской оценке. — Научные труды Русского народного университета, т. III. Прага, 1930, с. 23–44; *Florovskij A. V. Jan Hus v ruském projetí (stránka z dějin česko-ruských styků)*. Praha, 1935.

⁵² SK, T-FLOOR, ктaб. XXII. Пражские легенды о Петре Великом.

культурной средой⁵³. Кроме того, взаимные контакты развивались и в научно-технической сфере: чехи участвовали в постройке первой русской железной дороги, налаживали в России типографское дело и т.д. «Чехи в России, — делал вывод Флоровский, — заняли настолько органическое место в различных областях жизни — науке, промышленности, педагогике, искусстве, хозяйстве и т.д., что без учета чешского элемента русской жизни в XIX веке никак нельзя считать историю русско-чешских отношений разъясенной»⁵⁴.

Пытаясь осмыслить разность исторических судеб двух народов, Флоровский обратился к вопросу о соотношении византийских и латинских традиций в интеллектуальной жизни Восточной Европы⁵⁵. Интерес к данной проблеме вылился в монументальный труд, посвященный деятельности чешских иезуитов в России в конце XVII — начале XVIII в.⁵⁶ Его основу составили многочисленные документы из чешских архивов, впервые введенные в научный оборот. Кроме того, Флоровский совершил поездку в Рим, где поработал в ватиканских архивах и библиотеках, в частности познакомился с документами из фондов Общества Иисуса (Fondo Gesuitico) в Архиве пропаганды веры.

Миссия иезуитов в Москве, большинство членов которой происходило из чешских земель, с некоторыми перерывами существовала с 1684 по 1719 г. Это было время коренных и глубоких изменений, происходивших в России. Историк писал, что «своим церковным и учительским влиянием иезуиты воздействовали как на представителей местных католиков, так и на московское окружение различных социальных слоев и разных возрастов»⁵⁷. Неслучайно, иезуитская школа в Москве стала предметом внимания самого царя Петра и его близкого окружения. В их глазах она была в первую очередь источником необходимых знаний и способом получения образования для молодежи, так необходимых для России. И все же влияние иезуитов на русскую жизнь конца XVII — начала XVIII в. не стоит преувеличивать: лишь немногие представители высших слоев поддались влиянию католических миссионеров. Флоровский рассматривал католичество как культурную силу, а потому его интересовали не столько проблемы взаимоотношений двух ветвей христианства в узком смысле слова, сколько история межкультурного диалога, проблемы интеллектуальных трансферов и взаимовосприятия. Так, он заинтересовался сочинением иезуита Иржи Давида (1690 г.) «Современное состояние Великой России, или Московии» и после долгих лет работы подготовил его комментированное издание⁵⁸.

В конце 1930-х годов дыхание грядущей войны в Европе ощущалось все отчетливее. Сгушались тучи и над Чехословакией, и все больше русских эмигрантов задумывались об отъезде из страны. Думал об этом и Флоровский. В январе 1939 г. он осведомился о возможности перебраться в Америку у работавшего в Монреале физиолога Б.П. Бабкина, с которым познакомился еще во время скитаний в Константинополе.

---

⁵³ Этот интерес генерировался тем, что Флоровский и его супруга регулярно лечились на чешских курортах и особенно любили Марианские Лазни (Мариенбад). Они подолгу жили там и величали их «нашей летней резиденцией». — Рукописный отдел Института русской литературы РАН (далее — ОР ИРЛИ), ф. 494, оп. 2, д. 1560, л. 54. В результате появилось несколько интересных исследований: *Флоровский А.В.* Русские в Марианских Лазнях. Культурно-исторические справки. Прага, 1947; *его же.* И.А. Гончаров в Марианских Лазнях. — Прага — Москва, Прага, 1954, № 6, с. 26—31.

⁵⁴ *Флоровский А.В.* Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX век. — Научные труды Русского народного университета, т. IV. Прага, 1931, с. 305.

⁵⁵ *Florovskij A.* Le conflit de deux traditions — la latine et la byzantine — dans la vie intellectuelle de l'Europe Orientale aux XVI—XVIII siècles. — Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета, т. V (X). Прага, 1937, с. 171—193.

⁵⁶ *Florovský A.V.* Čeští jesuité na Rusi. Jesuite české provincie a slovanský východ. Praha, 1941.

⁵⁷ *Ibid.*, s. 355—356.

⁵⁸ *David Georgius.* Status modernus magnae Russiae seu Moscoviae (1690). Ed. with introduction and explanatory index by A.V. Florovskij. London — Paris — Hague, 1965.

В своем ответе тот сразу подчеркнул, что без хорошего знания английского языка в США или Канаде устроиться практически невозможно⁵⁹. Флоровский достаточно хорошо владел английским, но был готов в кратчайшие сроки исправить ситуацию. В отчаянии от невозможности сопротивляться переживаемым потрясениям, он с горечью писал Бабкину: «Хотя я и историк, но — Вы можете себе представить — как тяжело и утомительно быть жертвой исторического процесса и не чувствовать под ногами твердой почвы перед лицом приближающейся старости!»⁶⁰.

В марте 1939 г. словацкие националисты при поддержке Германии провозгласили Словацкую республику, а немцы вторглись в Прагу и объявили о создании Протектората Богемии и Моравии. Чехословацкое государство исчезло с политической карты. Эти обстоятельства заставили Флоровского форсировать отъезд. Известно, что в сентябре 1940 г. он пытался получить работу в США при посредничестве Толстовского фонда. Однако в конце мая 1941 г. ему и нескольким его коллегам во въездных визах было отказано⁶¹. Дальнейших попыток выехать из Праги Флоровский уже не предпринимал.

Он остался без постоянного места работы, поскольку власти протектората закрыли все чешские высшие школы, включая Карлов университет. Как ни парадоксально, Флоровский продолжал получать пособие от Министерства образования и народного просвещения. Власти сохраняли свои социальные обязательства по отношению к русским эмигрантам, пусть и в сильно урезанном виде. Притеснений ученый не испытывал, но симпатий нацистам не выказывал, в пропагандистских акциях в отличие от многих своих коллег не участвовал. Он с головой ушел в науку. Правда, писал он в стол, ибо все публикаторские начинания были скованы цензурой.

Неожиданный поворот произошел на рубеже 1943—1944 гг., когда в его жизни возникла фигура Эдуарда Винтера, крупного немецкого историка с сомнительным прошлым: к тому времени он успел побывать и католическим священником, и нацистом (а в дальнейшем стал академиком в ГДР). Винтер собрался издавать донесения немецких посланников при петербургском дворе в XVIII в. С предложением об участии в этом проекте он и обратился к Флоровскому. Неоднозначность ситуации заключалась в том, что сотрудничество предлагалось по линии Фонда Рейнхарда Гейдриха, где Винтер возглавлял Отделение восточноевропейской интеллектуальной истории.

Флоровского предложение Винтера явно заинтересовало⁶², однако от ежемесячной оплаты он отказался, предложив получить гонорар по итогам конкретно выполненной работы⁶³. Компромисс, видимо, был достигнут: в конце июля 1944 г. Антоний Васильевич заявил, что с осени готов приступить к совместной работе⁶⁴. Впрочем, никаких свидетельств и практических результатов его участия в проекте немецкого профессора пока обнаружить не удалось. Архивные бумаги русского историка и в Праге, и в Москве хранят молчание. В конце 1944 г., согласно архивным документам, переписка Флоровского с Винтером оборвалась на долгие годы, чтобы возобновиться лишь в 1957 г.⁶⁵

Окончание Второй мировой войны историк встретил в Праге. Разгром Германии и долгожданный мир в Европе побудили его, как и многих других эмигрантов, изменить свое отношение к СССР⁶⁶. Патриотические чувства и вера в будущее Ро-

⁵⁹ SK, T-FLOR, krab. II, № 7. Babkin, Boris Petrovič, Kanada, № 1.

⁶⁰ Ibid., № 2.

⁶¹ См. *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940—1950). М., 2010, с. 65, 67.

⁶² SK, T-FLOR, krab. XIII, № 317: Winter, Eduard, Praha, Berlín, № 6.

⁶³ Ibid., № 7.

⁶⁴ Ibid., № 9.

⁶⁵ Подробнее см. *Ковалев М.В.* А.В. Флоровский и его немецкие корреспонденты. — Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015, с. 143—146, 149—152, 162—165.

⁶⁶ См. *Аксенова Е.П.* Русский эмигрант о Великой Отечественной войне. Взгляд из Праги. — Славянский мир в третьем тысячелетии: Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015, с. 62—71.

дины подтолкнули его к принятию советского гражданства 13 декабря 1946 г.⁶⁷ Это обстоятельство неожиданным образом отразилось на его карьере. 23 марта 1947 г. профессора Милада Паулова и Карел Стлоукал на заседании профессорского совета философского факультета Карлова университета выступили с предложением назначить Флоровского ординарным профессором русской истории. Однако Министерство образования и просвещения отказало в этом ходатайстве, мотивировав свое решение тем, что иностранец не может претендовать на эту должность. После прихода к власти в Чехословакии коммунистов в феврале 1948 г. ситуация резко изменилась, и уже в августе Флоровский стал ординарным профессором. На новые власти советский паспорт действовал магически. Вот только марксистом профессор Флоровский так и не стал, о чем с укоризной говорилось в его личном деле⁶⁸.

Несмотря на возраст и болезни, Антоний Васильевич был полон творческих планов и мечтал завершить прежние, прерванные войной проекты, издать заключительный том своего главного научного труда «Чехи и восточные славяне». Он пытался реанимировать работу Археологического института имени Н.П. Кондакова и, став его директором, энергично взялся за возобновление нарушенных войной связей с коллегами из разных стран. В 1948 г. Флоровский с неподдельной радостью писал знаменитому британскому археологу Э. Миннзу в Кембридж: «После нескольких лет молчания Институт вновь возвращается к жизни и возобновляет свою прежнюю научную и учено-издательскую деятельность. Институт рад возобновить свои деловые и дружественные связи со своими сотрудниками и друзьями»⁶⁹.

Все преобразовательные планы мыслились тогда Флоровским в неразрывном сотрудничестве с советскими историками. Он встречался с приезжавшими в Прагу А.Л. Сидоровым и И.И. Удальцовым, в 1947 г. опубликовал статью в журнале «Вопросы истории»⁷⁰, который тогда призывал к международному сотрудничеству в сфере исторической науки. Флоровский разыскал своего бывшего одесского студента Н.Л. Рубинштейна, наладил связь с А.И. Андреевым, возглавлявшим группу по изучению Петра Великого, подробно делился с ними творческими планами, интересовался новинками советской научной литературы, посылал в дар свои книги, т.е. был полон желанием сотрудничать⁷¹. Поэтому попытка историка привлечь к решению судьбы Археологического института имени Н.П. Кондакова Академию наук СССР выглядит вполне органично. В июле 1948 г. он напрямую обратился с этим вопросом к ее вице-президенту академику В.П. Волгину. Видимо, желая продемонстрировать лояльность советской стороне и заручиться высочайшей поддержкой, Флоровский попутно осведомлялся у академика о целесообразности своего участия в международных съездах византистов: «Очень прошу Вас не отказать сообщить мне — надлежит ли мне, как представителю русской научной организации, участвовать в этих съездах или хотя бы на одном из них. Я имею в виду прежде всего конгресс в Париже; брюссельский конгресс организуется под руководством проф[ессора] Анри Грегуара, отношение которого к СССР и русской науке вызывает серьезные возражения»⁷².

Неизвестно, что ответил ему Волгин, но ни в Париж, ни в Брюссель Флоровский не поехал. Переговоры с АН СССР результатов не дали. Политический климат менялся слишком быстро. Как бы ни старался Флоровский, какие бы проекты сотрудничества

⁶⁷ Archiv Univerzity Karlovy, f. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, kart. 18, inv. č. 206.

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ Cambridge University Library, Department of Manuscripts and University Archives, Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence, add. 7722, box 1, folder F. A.V. Florovsky.

⁷⁰ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. — Вопросы истории, 1947, № 8, с. 66–73.

⁷¹ См. Ковалев М.В. Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги. — Россия XXI, 2016, № 4, с. 83–96.

⁷² Архив РАН, ф. 514, оп. 3, д. 135, л. 1.

ни выдвигал⁷³, как бы ни поддерживали его отдельные коллеги, обстоятельства были против него. В науку вновь вмешивалась политика. В СССР развернулись идеологические кампании, в жернова которых попали и А.И. Андреев, и Н.Л. Рубинштейн. Тяжелый «железный занавес» отгородил Антония Васильевича от советских коллег, и приподнялся этот занавес лишь в годы хрущевской «оттепели». С просьбой решить наконец судьбу института профессор обращался и в советское посольство, но, как показали результаты исследований Е.П. Аксеновой, дипломаты не проявили должного интереса к его инициативе. В июле 1951 г. Флоровский написал венгерскому византинисту Дюле Моравчику: «Институт Кондакова находится в состоянии анабиоза в силу разных обстоятельств»⁷⁴. Вряд ли он имел тогда возможность описать коллеге все перипетии борьбы за возобновление работы знаменитой научной организации. В Москве пришли к выводу, что будет целесообразно передать институт и все его имущество чехословацкой стороне. Соответствующее решение было вынесено 17 августа 1951 г., а 2 января 1953 г. Археологический институт был официально закрыт⁷⁵.

В 1955 г. в Праге вышла работа Флоровского «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого», которая, по мысли автора, должна была обобщить некоторые итоги его исследований о петровском времени⁷⁶. В 1950–1960-е годы именно эта тема стала главной в его научном творчестве. Интерес к ней сформировался вполне органично. Несомненно, сказывалась прежняя, еще дореволюционная специализация по екатерининской эпохе, способствовавшая обращению ко всей истории XVIII в. для уяснения механизмов социальной, политической и экономической эволюции Российской империи. Среди лекционных курсов Флоровского в Карловом университете в 1930-х годах был курс о Петре Великом, рукописные материалы которого сохранились в пражском архиве ученого⁷⁷. Другим источником вдохновения стало изучение русско-чешских и русско-австрийских отношений, открывшее дорогу для освещения широкого круга сюжетов, связанных с политикой России в Центральной и Восточной Европе в первой четверти XVIII в.⁷⁸

Так, постепенно в научном творчестве профессора сформировался интерес к петровской дипломатии, образу царя-реформатора в сознании европейцев, российско-европейским интеллектуальным связям и т.д. Причем в основе исследований Флоровского был широчайший круг австрийских и чешских архивных материалов, многие из которых до него вообще не попадали в поле зрения ученых. В его личном фонде в Славянской библиотеке в Праге сохранился огромный массив архивных выписок, копий документов и объемная переписка с различными архивами. Ученый не переставал интересоваться историей чешско-русских отношений, хотя она явно отошла на второй план. В 1954 г. он опубликовал фундаментальную работу о чешско-русских

---

⁷³ Вместе с письмом академику Волгину 1 июля 1948 г. Флоровский отправил на его имя пространную записку, в которой изложил свое видение развития славистики в СССР и странах Восточной и Центральной Европы. Смысл его предложений сводился к «регистрации всех архивных материалов по истории иных славянских народов в каждой славянской стране, т.е. в СССР — по истории всех славянских народов, обитавших вне границ Советского Союза, в Чехии — по истории всех славянских народов, кроме чехов и словаков, аналогичным образом и в Болгарии, Югославии, Польше». — Архив РАН, ф. 514, оп. 3, д. 135, л. 4.

⁷⁴ Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Gy. Moravcsik, ms. 1233/251.

⁷⁵ *Hrochová V.* Les études Byzantines en Tchécoslovaquie. — *Balkan Studies*, Thessaloniki, 1972, v. 13, № 2, p. 305; *idem.* Činnost Institutu N.P. Kondakova v Praze a jeho mezinárodní význam. — *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studí-3)*. Praha, 1995, s. 34; *Аксенова Е.П.* Институт им. Н.П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В. Флоровского). — *Славяноведение*, 1993, № 4, с. 73.

⁷⁶ *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955.

⁷⁷ SK, T-FLOR, krab. XXXVII; *Ковалев М.В.* Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. — *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2014, вып. 4 (27).

⁷⁸ Биография А.В. Флоровского (1960), с. 243.

торговых связях в X–XVIII вв.⁷⁹, на основе которой в 1957 г. защитил диссертацию доктора исторических наук (этого потребовал новый чехословацкий закон).

Однако положение Флоровского в послевоенной чехословацкой научной среде трудно назвать завидным. В 1958 г. в письме к старому приятелю, востоковеду В.Ф. Минорскому он жаловался: «Все меня тревожит необходимость для разысканий моих попасть как-нибудь в Вену, Лондон и Париж, конечно, и в Голландию — ради дополнения моих сведений архивных. Но это теперь так трудно из-за валютных стеснений у нас, что прямо руки опускаются. Надо бы в свое время завести какой-нибудь значительный денежный фонд за границей, чтобы отсюда ехать совсем без денег!»⁸⁰. В автобиографии, составленной в 1960 г. для В.Т. Пашуто, он также упомянет о «препятствиях формального характера»⁸¹ — регулярных отказах в обмене валюты. В социалистической Чехословакии это была обычная отговорка, когда дело касалось поездки за границу небогатадежных, с точки зрения властей, лиц, при том что официально выезд за рубеж никто не запрещал. Почему такая практика распространилась на Флоровского, остается загадкой.

Антоний Васильевич сумел уловить дуновение хрущевской «оттепели», сулившей большие перемены в интеллектуальной жизни. В середине 1950-х годов он сделал еще одну попытку установить контакты с коллегами в СССР, на этот раз удачную. Знаковым событием в его «научной репатриации» стало сотрудничество в подготовке издания «Письма и бумаги императора Петра Великого»⁸². В конце марта 1958 г. на пражский адрес Флоровского пришло письмо из Института истории АН СССР, подписанное В.Г. Трухановским, исполнявшим в то время обязанности директора, и А.А. Новосельским, заведовавшим сектором публикации. В письме рассказывалось о возобновлении в 1946 г. издания «Писем и бумаг императора Петра Великого». Авторы признавали, что неразрешимой трудностью явилось использование зарубежных источников и поэтому сотрудничество с Флоровским будет для них крайне желательным⁸³.

Это письмо воодушевило историка, лучшим свидетельством чему стал его пространственный ответ от 23 марта 1958 г., в котором он подтвердил готовность к всеобъемлющему сотрудничеству⁸⁴. Он обрисовал документы о Петре Великом и его эпохе, хранящиеся в чехословацких архивах, в частности, бумаги о посещении царем чешских земель в 1698, 1711 и 1712 гг., документы из фонда бывшего австрийского канцлера графа Кауница в Брно об австрийской миссии князя П.А. Голицына, проект залога Тешинского и Кладенского графств России в 1703 г. и др., письма императора Леопольда I о встрече с Петром Великим в Вене в 1698 г. из собрания графа Штернберга в Национальном музее в Праге, донесения австрийского посла в России в 1721–1723 гг. графа Кинского в Земледельческо-лесном архиве города Дечина, переписку чешских иезуитов, работавших в России в 1684–1719 гг.⁸⁵ Помимо этого, он подчеркнул важность использования уже опубликованных иностранных материалов, которые советские исследователи часто обходили стороной, как, например, венгерские материалы о контактах Петра I с Ференцем Ракоци.

Знания Флоровского оказались чрезвычайно востребованы, и у него установилась переписка с крупными советскими учеными: А.А. Новосельским, А.А. Зиминим,

⁷⁹ *Florovskij A.* Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X–XVIII století). Praha, 1954.

⁸⁰ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, ф. 134, оп. 3, д. 845, л. 17 об.

⁸¹ Биография А.В. Флоровского (1960), с. 244.

⁸² *Ковалев М.В.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги. — Россия XXI, 2016, № 5, с. 91–104.

⁸³ СК, Т-FLOR (документ находится в неразобранной части архивного фонда и потому пока не имеет инвентарного номера).

⁸⁴ *Ibidem.*

⁸⁵ Подробнее см. *Флоровский А.В.* Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах. — Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с. 236–241.

В.Т. Пашуто, В.В. Похлебкиным, П.Н. Берковым, Д.С. Лихачевым и др. Особенно доверительной стала его переписка с Е.П. Подъяпольской⁸⁶. Удивительно, но однажды они уже встречались: в 1916 г. еще совсем юная Екатерина Подъяпольская присутствовала на защите диссертации Флоровского об Уложенной комиссии в Московском университете⁸⁷. Дружеским было и общение с ленинградским ученым В.И. Малышевым. К примеру, в 1963 г. Антоний Васильевич поинтересуется у него обстоятельствами скандала вокруг книги А.А. Зимина про «Слово о Полку Игореве», о котором до него долетали лишь обрывочные слухи⁸⁸.

«Возвращение» Флоровского выразилось и в его публикаторской активности на Родине. В 1950–1960-х годов он старался печатать свои работы прежде всего в СССР. Его заветным желанием стала публикация итогового труда о петровской дипломатии. Он вел долгие переговоры с разными издательствами, но, увы, они закончились ничем. Свой главный труд окончить он так и не успел. Отдельные его части, правда, печатались в виде статей еще при жизни ученого. По этому поводу Флоровский писал в декабре 1966 г. литературоведу П.Н. Беркову: «Пытаюсь устроить отдельные их части в разных изданиях в СССР и вне Союза. Не строю никаких иллюзий, явно не увижу всего, мною написанного, в печати. Но кое-что существенное рассчитываю еще увидеть»⁸⁹. Некоторые фрагменты книги будут опубликованы уже посмертно его чешской ученицей и горячей почитательницей Аленой Завадовой⁹⁰. По ее словам, они являли собой «последние типичные образцы историографического стиля проф[ессора] Флоровского, его исключительного умения излагать отдельные эпизоды в широком историческом контексте»⁹¹.

В августе – сентябре 1967 г. профессор вместе с супругой посетил СССР по приглашению Белорусской академии наук в связи с празднованием 450-летия белорусского книгопечатания. Флоровского давно занимала биография Франциска Скорины, и он посвятил ему несколько работ. Из Минска он совершил путешествие в Ленинград и Москву, встретился с коллегами, успел позаниматься в архивах и библиотеках и выступить с публичным докладом в МГУ. По отзыву Подъяпольской, его доклад, сделанный «с такой легкостью, граничащей с изяществом, свойственным французам», был насыщен глубоким содержанием, пронизан великолепным знанием материала⁹². Однако Антонию Васильевичу так и не удалось исполнить заветную мечту – посетить родную Одессу, чей образ всегда жил в его памяти. В стихотворении, сочиненном им на Пасху 1962 г., есть такие строки: «Христов воскрес, воскрес Христос! / Ответ: Воистину воскрес! / Я в Праге возглас произнес, / А эхо слышится в Одессе»⁹³.

Поездка на Родину произвела на Флоровского огромное впечатление. Его брат Георгий в письме к Беркову так отозвался об этом путешествии: «Поездка в Минск и дальше произвела на моего брата сильнейшее и незабываемое впечатление. Между прочим, ему было особенно приятно побывать снова в тех архивах, в которых он так усердно работал много лет назад»⁹⁴. Свидание с Родиной станет последним большим путешествием Флоровского. 27 марта 1968 г. он уйдет из жизни.

---

⁸⁶ См. *Ковалев М.В.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги. – *Россия XXI*, 2016, № 6, с. 99–105.

⁸⁷ *Ковалев М.В., Лаптева Т.Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминным и Е.П. Подъяпольской. – *Исторический архив*, 2014, № 4, с. 67.

⁸⁸ ОР ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, д. 1560, л. 53–54об.

⁸⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФА РАН), ф. 1047, оп. 3, д. 657, л. 28.

⁹⁰ *Флоровский А.В.* От Полтавы до Прута: из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг. Прага, 1972.

⁹¹ *Завадова А.* Вступительное слово. – *Флоровский А.В.* От Полтавы до Прута, с. 10.

⁹² SK, T-FLOR, krab. VIII, № 210: Pod'japol'skaja, Jelena Petrovna № 67.

⁹³ Ibid., krab. I, B. Desky č. 9, verše № 2.

⁹⁴ ПФА РАН, ф. 1047, оп. 3, д. 657, л. 34.

Контакты Антония Васильевича с советскими историками во второй половине 1940-х– в 1960-е годы представляют собой интересный пример встречи двух России – Советской и Зарубежной. И хотя некоторые из советских коллег пражского профессора начали свой творческий путь еще до революции, они были обречены жить и работать в специфических условиях репрессий, идеологического гнета и закрытости от внешней среды. Об этом поколении очень точно написал академик А.Б. Давидсон: «Жизнь заставляла их быть осторожными. Они не раскрывались даже перед близкими. Не писали мемуаров, жгли свои архивы, в письмах изъяснялись обиняками»⁹⁵. Полагаю, Флоровский эти особенности замечал и понимал. Впрочем, ему самому на склоне лет приходилось проявлять определенную осторожность – сначала в годы немецкой оккупации Праги, а затем уже в коммунистической Чехословакии.

В послевоенных контактах ученый столкнулся и с новым поколением советских историков, с теми, кто полностью формировался уже в других обстоятельствах. Его общение с советскими коллегами стало активно развиваться тогда, когда история послереволюционной Зарубежной России, уместившаяся в узкие рамки межвоенного периода, по сути, закончилась. Но именно в 1950–1960-е годы русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них складывается ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому такой важной казалась задача зафиксировать его и сохранить для будущего⁹⁶. Отсюда – еще один существенный мотив деятельности Флоровского: он стремился передать коллегам свой интеллектуальный опыт и вместе с тем напомнить о творческом наследии всей российской научной эмиграции. В 1965 г. он писал Подъяпольской: «Слишком слабо учитывается, что за границей СССР все же кое-что делалось и сделано для русской науки, и уже нельзя обходить молчанием и наши, и иностранные – иноязычные исторические труды. Хотя бы, напр[имер], заграничные... издания мемуаров таких русских историков, как Кондаков, Милюков, Кизеветтер, Платонов и т.д. и т.д.!»⁹⁷.

Он не любил, когда его самого на Родине относили к категории иностранных исследователей. За это в мае 1959 г. он критиковал С.А. Фейгину, которая в монографии об Аландском конгрессе обрисовала его работы в разделе зарубежной историографии. Обращаясь к ней в письме, Флоровский подчеркивал, что является истинным русским, что отец его происходит из-под Великого Новгорода, а мать – из Степной Украины, что в Чехии он оказался волею судеб⁹⁸. А в письме к Пашуто он признавался, что воспринимает жизнь на чужбине как «только командировку за пределы СССР»⁹⁹.

Значителен был вклад Флоровского в чехословацкую историографию, в первую очередь за счет его фундаментальных работ по истории русско-чешских отношений. И хотя эти труды носят явный позитивистский характер, что нередко вызывало критику современников, они до сих пор в значительной мере остаются непревзойденными по широте охвата источников и глубине постановки вопросов. Все же следует признать, что учеников из чехословацкой среды у профессора Флоровского было немного. Помимо уже названной Завадовой, следует упомянуть Милана Шванкмайера, который слушал лекции русского ученого в Карловом университете¹⁰⁰. Хотя идейное влияние на него Флоровского не стоит преувеличивать.

Много внимания Антоний Васильевич уделял необходимости сохранения эмигрантского наследия. Поэтому и свой личный архив он завещал советской стороне.

⁹⁵ Давидсон А.Б. Я вас люблю: Страницы жизни. М., 2008, с. 127.

⁹⁶ Галчева Т.Н., Ковалев М.В. «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А.П. Мешерского с А.В. Флоровским (1956–1967). – Славянский альманах, 2014, кн. 1–2, с. 86.

⁹⁷ Ковалев М.В., Лантева Т.Н. Указ. соч., с. 79.

⁹⁸ Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 100, л. 1–10б.

⁹⁹ Пашуто В.Т. Указ. соч., с. 366.

¹⁰⁰ Šaur J. A.V. Florovskij (1884–1968). – Slovanský přehled, 2005, № 1, s. 139.

Однако бумаги по иронии судьбы оказались разделены между Прагой и Москвой¹⁰¹. Вхождение в советскую научную среду стало не просто личным выбором ученого, но и выражением его принципиального взгляда на путь русской эмиграции, которая и на чужбине должна была сохранять и приумножать российское культурное наследие. Флоровский был уверен, что работал на благо Родины и что рано или поздно результаты его упорных трудов окажутся там востребованы. Усилия его в самом деле оказались ненепригодными. Современные исследователи пристально изучают творческое наследие историка¹⁰², его работы неизменно цитируют специалисты по истории русско-чешских и русско-австрийских отношений, российской истории XVIII в., в особенности петровской эпохи. Намеченные им исследовательские маршруты получили достойное продолжение и в отечественной, и в зарубежной историографии.

---

¹⁰¹ Подробнее см. *Ковалев М.В.* Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования. — *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия*. М., 2013, с. 131–138.

¹⁰² Помимо уже процитированных работ, также см.: *Šaur J.* K česko-ruské vztahové problematice (Florovského pojetí česko-ruských kulturních vztahů v 10.–18. století). — *Dialog kultur III. Ústí nad Orlicí*, 2005; *idem.* K nosným tradicím české historické rusistiky — A.V. Florovskij a J. Macůrek. — *Nosné tradice české slavistiky*. Brno, 2012; *Аксенова Е.П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского). — *Вестник славянских культур*, 2009, т. XI, № 1; *ее же.* Антоний Васильевич Флоровский о Романовых. — *Славяноведение*, 2013, № 5; *Лантева Т.Н.* Научное наследие А.В. Флоровского (1884–1968) в Архиве РАН. — *Вестник архивиста*, 2014, № 1, и др.